

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2>

УДК 339.98, 339.72, 339.92, 339.924

JEL F21, F51

М. Ю. Головнин ^{а),} А. И. Волынский ^{б),} М. С. Круглова ^{в)}^{а, б, в)} Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация**Влияние геоэкономической фрагментации
на инвестиционное взаимодействие России и Китая¹**

Аннотация. На протяжении последних более чем десяти лет на фоне активного развития политического сотрудничества и внешнеторгового взаимодействия России и Китая существенно отставало инвестиционное взаимодействие. Существует ряд работ, описывающих причины этого отставания, однако нам не встречались работы, делавшие акцент на влиянии распространения процессов фрагментации в мировой экономике на взаимные инвестиции России и Китая. В связи с этим авторы поставили перед собой цель определить масштабы и направления влияния фрагментации на инвестиционное взаимодействие двух стран. Для достижения этой цели были сформулированы задачи: выявление основных ограничений для развития инвестиционного взаимодействия России и Китая; анализ динамики взаимных инвестиционных потоков до и после развития процессов фрагментации; определение перспективных направлений инвестиционного сотрудничества двух стран. В силу ограничения статистических данных, в полной мере отражающих взаимные инвестиции России и Китая, в статье анализируются и сопоставляются данные о прямых и, частично, прочих инвестициях из различных источников (Центрального банка РФ, CEIC, AidData, базы данных Евразийского банка развития), а также примеры отдельных инвестиционных проектов. Проведенный анализ свидетельствует, что на первом этапе развития процесса фрагментации наблюдалось усиление инвестиционного взаимодействия двух стран, в том числе через Гонконг (особенно в 2019–2020 гг.). На втором этапе (начиная с 2022 г.) инвестиционное взаимодействие, прежде всего по линии прямых инвестиций, начало ослабевать. Тем не менее, в отдельных направлениях (транспортно-логистическое, автомобилестроение и др.) реализуются новые инвестиционные проекты. Предложены перспективные направления для развития инвестиционного взаимодействия России и Китая: выстраивание альтернативной международной финансовой архитектуры (при реализации жесткого сценария фрагментации мировой экономики); запуск новых инвестиционных проектов в сферах инфраструктуры, цифровых технологий, ВИЭ, космоса; совершенствование институциональных условий для инвестиций.

Ключевые слова: Россия, КНР, фрагментация мировой экономики, международное движение капитала, прямые иностранные инвестиции

Для цитирования: Головнин, М. Ю., Волынский, А. И., Круглова М. С. (2026). Влияние геоэкономической фрагментации на инвестиционное взаимодействие России и Китая. *Экономика региона*, 22(3), 490–502. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2>

¹ © Головнин М. Ю., Волынский А. И., Круглова М. С. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Mikhail Yu. Golovnin ^{a)}, Andrey I. Volynskiy ^{b)}, Maria S. Kruglova ^{c)}^{a, b, c)} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The Impact of Geoeconomic Fragmentation on Investment Cooperation Between Russia and China

Abstract. Over the past decade, investment cooperation between Russia and China has developed more slowly than their political and trade relations. Although previous studies have examined the factors underlying this gap, little attention has been paid to the effects of increasing geoeconomic fragmentation on bilateral investment flows. This article addresses this gap by examining how geoeconomic fragmentation has shaped the scale and directions of investment cooperation between Russia and China. The study identifies the main constraints on bilateral investment, analyses changes in investment flows before and after the intensification of fragmentation processes, and explores potential directions for future cooperation. Given the limitations of official statistics on bilateral investment, the analysis draws on data on direct and, where available, other investments from multiple sources, including the Central Bank of the Russian Federation, CEIC, AidData, and the Eurasian Development Bank, complemented by evidence from selected investment projects. The findings suggest that the initial phase of increasing geoeconomic fragmentation was associated with stronger investment interaction between Russia and China, including through Hong Kong, particularly in 2019–2020. However, from 2022 onwards, bilateral investment cooperation, especially foreign direct investment, has slowed. At the same time, new projects have continued to emerge in selected sectors, including transport and logistics, automotive manufacturing, and other industries. The article identifies several promising directions for future cooperation: the development of alternative financial infrastructure under a scenario of deeper global fragmentation, investment in infrastructure, digital technologies, renewable energy, and space, and improvements in the institutional framework for bilateral investment.

Keywords: Russia, China, fragmentation of the global economy, international capital movement, foreign direct investment

For citation: Golovnin, M. Yu., Volynskiy, A. I. & Kruglova, M. S. (2026). The Impact of Geoeconomic Fragmentation on Investment Cooperation Between Russia and China. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(3), 490–502. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2>

Введение

Россия и Китай, будучи соседними странами и крупными экономиками, в соответствии с гравитационной теорией (Bacchetta et al., 2012, Chapter 3), должны характеризоваться достаточно высоким уровнем развития взаимных экономических связей. Если показатели внешней торговли находятся на достаточно высоком уровне и демонстрируют положительную динамику, особенно в последнее десятилетие, то в области международного движения капитала уровень взаимодействия существенно отстает.

Так, по оценкам Института экономики Российской академии наук, в 2024 г. по сравнению с 2018 г. доля Китая в совокупном экспорте товаров России выросла с 13,0 % до 29,7 %, а в совокупном импорте — с 19,9 % до 40,8 %. Среднее значение коэффициента торгово-экономической связанности России с Китаем за 2022–2024 гг. выросло по сравнению с 2019–2021 гг. на 58,9 % (Головнин и др., 2025, с. 63–69). Вместе с тем, к началу 2022 г. доля накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Китая составляла всего около 0,7 % в общем объеме накопленных ПИИ России, а доля исходящих прямых инвестиций в Китай — около 0,1 % (Булатов и др., 2024, с. 69). Причины подобного расхождения анализировались во многих исследованиях

российско-китайских экономических связей, но при этом за рамками рассмотрения обычно оставались изменения, происходящие в мировой экономике, в том числе распространение процессов геоэкономической фрагментации.

Современное состояние развития мировой экономики характеризуется многими исследователями как подверженное распространению процессов фрагментации. При этом фрагментация рассматривается в значительной степени как антитеза глобализации. В числе ключевых характеристик глобализации выделялись либерализация, интеграция и взаимозависимость (Колодко, 2009). Одной из ключевых характеристик фрагментации выступает появление новых барьеров для внешнеэкономических операций (введение новых или увеличение существующих таможенных пошлин, ограничений на трансграничное движение капитала, рабочей силы и т. д.) (Norrington, 2024).

Поворотным моментом в развитии процессов фрагментации, на наш взгляд, стало начало торговой войны между США и Китаем в 2018 г., в ходе которой резко возросло число внешнеторговых барьеров и доля затронутой ими международной торговли (Bolt et al., 2023). Кроме того, появились новые барьеры и на пути трансграничного движения капитала. Так, в 2018 г. резко

увеличивается число ограничительных мер, связанных с прямыми иностранными инвестициями, и эта тенденция продолжилась в 2020–2021 гг. При этом большинство подобных мер было принято развитыми странами (Квашнина, 2024)¹.

На развитие процессов фрагментации мировой экономики повлияло и активное проведение новой промышленной политики в ведущих развитых странах с начала 2010-х гг. Ряд исследователей отмечает, что запуск подобной политики стал реакцией на активную внешнеэкономическую экспансию Китая (Хейфец, 2024).

Процессы фрагментации уже начали оказывать воздействие на мировую экономику, отражаясь, в частности, на динамике трансграничных потоков капитала. Так, среднегодовые значения валовых трансграничных потоков капитала² в ведущих международных финансовых центрах снизились в 2018–2024 гг. по сравнению с предшествующим периодом после мирового экономического и финансового кризиса (2011–2017 гг.) в США с 11,2 до 9,6 % ВВП, в зоне евро — с 19,7 до 11,1 % ВВП, в Великобритании — с 33,6 до 33,0 % ВВП³. Совокупные чистые потоки ПИИ по отношению к мировому ВВП также демонстрировали тенденцию к снижению с 2,12 % в 2011–2017 гг. до 1,44 % в 2018–2024 гг.⁴ При этом происходило перераспределение потоков на региональном уровне, которое, по мнению авторов «Мирового доклада об инвестициях» за 2025 г., отражало тенденции растущей фрагментации (United Nations, 2025).

Для России влияние фрагментации было связано в первую очередь с введением в отношении нее экономических санкций. Можно выделить два этапа санкционного давления: первый — с 2014 г. и второй — введение беспрецедентных санкций

после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. По состоянию на середину 2025 г. в отношении России действовало свыше 30 тысяч санкций, не связанных с внешней торговлей конкретными товарами, из них 92 % были введены после февраля 2022 г.⁵

Текущее развитие процессов фрагментации, с одной стороны, создает барьеры для внешнеэкономических связей, в том числе инвестиционного взаимодействия Китая и России, и может способствовать сокращению трансграничных потоков, включая взаимное движение инвестиций, но, с другой стороны, оно формирует предпосылки для экономического сближения двух стран, в том числе в области международного движения капитала, учитывая, что обе страны находятся в одном геополитическом блоке (International Monetary Fund, 2023).

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, какое из направлений влияния фрагментации преобладает в случае инвестиционного взаимодействия России и Китая. Для реализации этой цели авторы поставили перед собой задачи:

- выявления основных ограничений для развития инвестиционного взаимодействия Китая и России;
- анализа динамики взаимных инвестиционных потоков до и после развития процессов фрагментации с учетом имеющихся ограничений;
- определения перспективных направлений инвестиционного сотрудничества двух стран в условиях фрагментации мировой экономики.

Теория

Существуют различные объяснения недостаточно активного инвестиционного взаимодействия России и Китая. Основные факторы, сдерживающие этот приток, можно сгруппировать в виде институциональных, экономических и геополитических барьеров (табл. 1).

Таким образом, мы видим, что на протяжении всего рассматриваемого периода взаимное инвестиционное сотрудничество сдерживалось различиями в интересах двух стран, обусловленными в том числе и различиями в структурах их экономик. Во время распространения процессов фрагментации мировой экономики и особенно введения второй волны санкций в отношении России китайские инвесторы стали опасаться введения вторичных санкций, что привело к срыву или приостановке крупных проектов (в области автомобилестроения, самолетострое-

¹ В частности, в США в 2018 г. был принят Закон о модернизации системы оценки рисков, связанных с иностранными инвестициями (The Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA), а в Европейском союзе в 2019 г. — Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019/452 от 19 марта 2019 г. об установлении правовых рамок для проверки прямых иностранных инвестиций. Оба документа были направлены в том числе на сдерживание экспансии прямых иностранных инвестиций Китая в ведущие развитые страны (Моисеева, Кулинич, 2024).

² Валовые трансграничные потоки капитала рассчитываются нами как сумма по модулю активов и пассивов статей «прямые инвестиции», «портфельные инвестиции» и «прочие инвестиции» финансового счета платежного баланса.

³ Авторские расчеты на основе данных Международного валютного фонда. Международный валютный фонд. Платёжный баланс. (б. д.). URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUm=IMF.STA:BOP\(21.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUm=IMF.STA:BOP(21.0.0)) (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ Рассчитано на основе базы данных World Investment Report. United Nations Conference on Trade and Development. (n.d.). Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения: 20.01.2026).

⁵ РИА Новости. (2025, июль 20). Количество санкций против России превысило 30 тысяч. URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html?ysclid=mldr1pmulo649255594> (дата обращения: 28.09.2025).

Таблица 1

Барьеры для прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ

Table 1

Barriers to Foreign Direct Investment from China to Russia

Факторы	Проявления	Работы
Институциональные	Несовершенства российской правовой системы и бюрократический произвол на местах	(Волынский, Круглова, 2024); (Ван, 2022a)
	Нестабильность и несовершенство законодательства (особенно в энергетике и рыбопромышленном комплексе)	(Ван, 2022a); ФЗ №166-ФЗ ¹ ; EastRussia, 2024 ²
	Жесткое госрегулирование исходящих инвестиций из Китая (обязательное согласование проектов)	(Ван, 2022b)
	Ограничения РФ для входящих ПИИ в стратегические отрасли (ВПК, атомная энергетика, рыболовство и аквакультура)	ФЗ №166-ФЗ; EastRussia, 2024; (Ван, 2022b)
	Для РФ в КНР — жесткий экспортный контроль (каталог запрещенных технологий, ограничения на ПО для авиадвигателей и ГТУ)	(Волынский, Круглова, 2024); Минкоммерции КНР, 2025 ³
Экономические	Несовпадения интересов стран: российские власти — локализация высокотехнологичных производств, китайские компании — расширение экспорта собственной готовой продукции и опасения усиления конкуренции в долгосрочной перспективе при передаче технологий	(Волынский, Круглова, 2024)
	Высокие операционные риски и транзакционные издержки для китайских инвесторов в РФ	(Ван, 2022a)
Геополитические	Санкционный режим и риск вторичных санкций. Китайские госкорпорации балансируют, чтобы не потерять доступ к западным рынкам	(Волынский, Круглова, 2024)
	Осторожность Китая из-за недостатка политического доверия и стратегии диверсификации глобальных инвестиций	(Ван, 2022a)

¹ КонсультантПлюс. (2004). Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 12.09.2025).

² EastRussia. (2024, 12 июня). Эксперты: китайским инвестициям в марикультуру ДФО мешают административные барьеры. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/eksperty-kitayskim-investitsiyam-v-marikulturu-dfo-meshayut-administrativnye-barery/> (дата обращения: 17.07.2025).

³ 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции КНР], & 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий КНР]. (2025). 商务部 科技部公告2025年第28号 关于调整发布《中国禁止出口限制出口技术目录》的公告 [Извещение № 28 Министерства коммерции и Министерства науки и технологий Китайской Народной Республики 2025 года «О корректировке и публикации Каталога технологий, запрещенных или ограниченных к экспорту из Китая»]. URL: https://fms.mofcom.gov.cn/zcfg/jsjckzcfg/art/2025/art_ba35a101c22c4f6e844f749cb0a98552.html (дата обращения: 11.01.2026).

Источник: составлено авторами.

ния, нефтегазовом секторе)¹, проблемам с осуществлением взаимных расчетов.

Данные и методы исследования

Оценки международного движения капитала в статье базируются на данных платежных балансов двух стран. Однако для количественной оценки взаимных инвестиций между Россией и Китаем источники данных ограничены. Для периода до 2021 г. существует публиковавшаяся Банком России² российская стати-

стика прямых инвестиций в страновом разрезе как в отношении показателей потока, так и запаса. Однако она отличается неполнотой информации. Начиная с 2022 г. данные в страновом разрезе в отношении иностранных инвестиций российской стороной не раскрываются.

Официальная инвестиционная статистика КНР публикуется Министерством коммерции КНР (The Ministry of Commerce (MOFCOM), 中华人民共和国商务部)³ и Государственным управлением валютного контроля КНР (The State Administration of Foreign Exchange (SAFE) of the People's Republic of China, 国家外汇管理局)⁴. Хотя оба ведомства пери-

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». (2023, 17 июля). Фактчекинг: Россию исключили из программы широкофюзеляжного самолета CRJ929? URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/846967127.html> (дата обращения: 17.07.2025); РБК. (2024, 21 июня). Китайский партнер по «Арктик СПГ-2» решил приостановить дела в России. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/06/2024/6674fe809a79471b664e613f> (дата обращения: 17.07.2025).

² Центральный банк Российской Федерации [Банк России]. (2026). Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции. Ретроспективный блок. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 22.01.2026).

³ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n. d.). Statistics: Foreign Trade Cooperation. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntradecooperation/> (дата обращения: 07.07.2024); Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n. d.). FDI Statistics and Data List. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/EN/go-datatongji-list.html> (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ State Administration of Foreign Exchange. (2026, June 26). The Time-Series Data of International Investment Position of China. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html>

одически пересматривают данные для корректировки имеющихся расхождений, последние все же присутствуют¹. При этом значительная часть исходящих ПИИ зарегистрирована в Гонконге, а часть — в таких территориях, как Каймановы острова или Британские Виргинские острова. Предполагается, что китайские компании используют сложные схемы для инвестирования за пределами КНР, что дополнительно осложняет анализ. Помимо статистики, регулярно публикуемой на сайтах двух ведомств, существуют также и подготавливаемые ими совместно при участии Национального бюро статистики КНР (National Bureau of Statistics of China, 国家统计局) ежегодные обзоры исходящих ПИИ.

Следует также отметить, что значительная часть международных потоков капитала, связанных с Россией, проводится через офшорные и полуофшорные юрисдикции, что затрудняет определение конечных источников и направлений потоков капитала исходя из официальных данных (Булатов и др., 2024, с. 69). В частности, для инвестиционного взаимодействия с Китаем могла использоваться юрисдикция Гонконга.

Евразийский банк развития создал базу данных взаимных инвестиций для оценки реального инвестиционного взаимодействия в евразийском регионе, опираясь на сведения об инвестиционных проектах из различных открытых источников. Изначально она охватывала только постсоветские страны, но затем в нее были включены в том числе китайские инвестиции в регион (Винокуров и др., 2025а). Данная база дает более широкий охват проектов, но тоже сталкивается с ограничениями доступа к информации.

В связи с имеющимися ограничениями данных построение значимых количественных моделей инвестиционного взаимодействия России и Китая не представляется возможным и перспективным. Мы будем опираться в данной работе на статистические данные из различных источников, анализируя и сопоставляя их, а также привлекать информацию по отдельным примерам инвестиционных проектов с участием капитала Китая и России на территории другой страны.

(дата обращения: 07.07.2024). Этим же ведомством составляется статистика по портфельным инвестициям КНР: China's External Portfolio Investment Assets. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/ChinasExternalPortfolioInvestm/index.html> (дата обращения: 07.07.2024).

¹ О причинах расхождения см.: China Briefing. (2022, 8 апреля). Explainer: Why are MOFCOM's and the Foreign Exchange Bureau's China FDI Statistics Different? URL: <https://www.china-briefing.com/news/explainer-why-are-mofcoms-and-the-foreign-exchange-bureaus-china-fdi-statistics-different/> (дата обращения: 14.07.2025).

Влияние фрагментации на международное движение капитала в России и Китае

Проанализируем, как повлияли процессы фрагментации в целом на международное движение капитала в России и Китае. В обеих странах с 2010-х гг. имеет место тенденция к сокращению валовых трансграничных потоков капитала, которая усиливается во второй половине 2010-х гг. (рис.).

Кроме того, следует отметить, что по линии финансового счета платежного баланса (за исключением изменения резервных активов) в Китае после 2014 г. начала преобладать тенденция чистого оттока капитала из страны, а в 2020–2024 гг. чистый отток имел место каждый год. В России чистый отток капитала по этой линии имел место на протяжении всех лет начиная с 2008 г., за исключением лишь 2019 г. При этом наиболее масштабные значения (по отношению к ВВП) наблюдались во время внешних шоков (в 2014–2015 гг. и 2022 г.).

Что касается показателей запаса, то и в России, и в Китае в период фрагментации произошло значительное увеличение чистых внешних активов. В России оно было вызвано главным образом существенным сокращением внешних пассивов под воздействием беспрецедентных санкций, особенно с начала 2022 г. (за период с начала 2022 г. по 1 октября 2025 г. накопленные внешние пассивы снизились на 43,1 %). В результате чистая инвестиционная позиция, отражающая кредитование Россией остального мира, увеличилась более чем в два раза: с 486,6 млрд долл. на начало 2022 г. до рекордного значения в 1058,9 млрд долл. на начало октября 2025 г.² Чистая международная инвестиционная позиция Китая также существенно выросла: на 31,5 % с начала 2012 г. до конца 2017 г. и еще почти на 96 % с конца 2017 г. до конца третьего квартала 2025 г., превысив 4 трлн долл.³

В Китае существенные изменения в структуре международных потоков капитала произошли после 2022 г. Во-первых, резко сократился приток капитала (пассивы) по линии прямых и портфельных инвестиций, причем в 2022 г. имел место чистый отток ранее сделанных вложений по линии портфельных инвестиций, а по линии пассивов прочих инвестиций отток имел место на протя-

² По данным международной инвестиционной позиции РФ. Центральный банк Российской Федерации [Банк России]. (2026, 21 августа). Статистика внешнего сектора. Международная инвестиционная позиция. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/iip/ (дата обращения: 15.01. 2026).

³ Рассчитано на основе данных по международной инвестиционной позиции Китая. Международный валютный фонд [МВФ]. (2026). Международная инвестиционная позиция. URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP\(13.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP(13.0.0)) (дата обращения: 15.01. 2026).

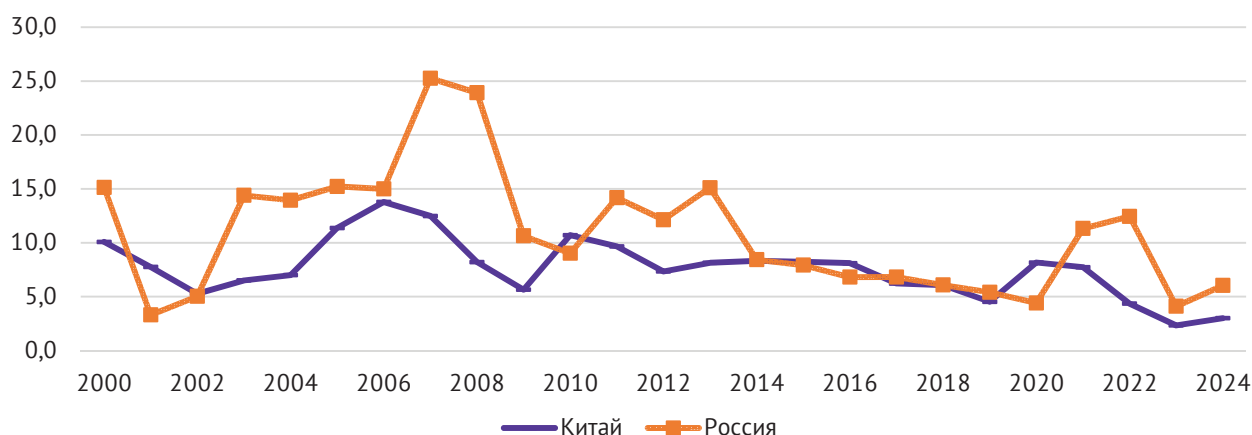

Рис. Совокупные валовые трансграничные потоки капитала в Китае и России в 2000–2024 гг. (в % от ВВП) (источник: рассчитано на основе данных платежных балансов России (URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (дата обращения: 19.01.2026)) и Китая (URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP\(21.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0)) (дата обращения: 19.01.2026))

Fig. Aggregate gross cross-border capital flows in China and Russia, 2000–2024 (% of GDP) (source: authors' calculations based on balance-of-payments data for Russia (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (accessed: 19 January 2026)) and China ([https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP\(21.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0)) (accessed: 19 January 2026))

жении всего периода 2022–2024 гг. Во-вторых, несколько изменилась модель оттока капитала: если до 2022 г. в ней значительную роль играли прочие инвестиции¹, то в 2022–2024 гг. отток капитала в основном шел по линии прямых и портфельных инвестиций, причем в 2024 г. активы портфельных инвестиций превысили активы прямых. При этом происходили изменения в страновой структуре прямых инвестиций из Китая. Так, рост числа проектов исходящих прямых инвестиций из страны имел место в том числе в те страны, которые обладали преимуществом в части импорта своей продукции в США (Gopinath et al., 2025). То есть Китай пытался использовать прямые инвестиции для преодоления негативных последствий фрагментации и реализации возможности выхода на американский рынок.

В России значительное влияние на структуру международного движения капитала оказали санкционные ограничения, вводившиеся с 2014 г. Однако если до 2022 г. они затрагивали в основном портфельные и прочие инвестиции, то начиная с 2022 г. распространились и на потоки прямых инвестиций². После 2022 г. потоки портфельных инвестиций как в страну, так и из страны оказались практически перекрыты. При этом начиная с 2022 г. существенно возросла роль прочих инвестиций в международном движении капита-

ла: основной отток капитала из страны (особенно в 2022 г.) шел именно по этому каналу, в том числе через открытие счетов российскими резидентами в зарубежных банках. Одновременно в 2023–2024 гг. возобновился чистый приток средств в страну по линии пассивов прочих инвестиций, тогда как в 2014–2020 гг. и в 2022 г. капитал покидал страну по этому каналу.

По данным McKinsey&Company, Китай и Россия больше всего пострадали от сокращения трансграничных инвестиций в новые проекты: в 2022–2023 гг. по сравнению с показателями за 2015–2019 гг. они сократились в России на 98 %, а в Китае — на 67 %³.

Таким образом, и Россия, и Китай, хотя и по разным каналам, испытали значительное негативное влияние фрагментации мировой экономики на международное движение капитала.

Оценка масштабов инвестиционного взаимодействия России и Китая и влияния на него процессов фрагментации

На основе статистических данных, приводимых Банком России до 2021 г., можно сделать общий вывод, что потоки прямых инвестиций между Россией и Китаем были ограничены, а приток прямых китайских инвестиций в Россию преобладал со значительным отрывом над оттоком российских инвестиций в Китай (табл. 2). Наибольший приток китайских инвестиций в Россию наблюдался в период 2010–2016 гг., после чего они резко сократились. Приток прямых инвестиций после 2014 г. шел главным образом через вложение средств в уставные капиталы организаций, тогда как до этого преобладали вложения через долговые

¹ Западные исследователи отмечали, что в общем объеме вывозимого из Китая капитала значительное место занимают инициированные государством кредиты, которые зачастую носят краткосрочный характер и выдаются под относительно высокие процентные ставки. См. (Horn et al., 2019).

² Строго говоря, речь идет не столько о прямом воздействии санкций, сколько о чистом оттоке ранее сделанных в страну прямых инвестиций в результате «добровольного» ухода иностранных компаний.

³ Приводится по (Квашнина, 2024).

Таблица 2

Взаимные прямые инвестиции России с Китаем и Гонконгом по видам инструментов (потоки, млн долл.)

Table 2

Mutual Foreign Direct Investment between Russia and China and Hong Kong by Instrument Type (flows, USD million)

Инвестиции	Год											
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай												
<i>Инвестиции в Россию</i>												
Уставный капитал	105	60	182	203	1114	440	186	282	130	209	84	88
Реинвестирование доходов	44	1	30	69	125	145	33	24	30	3	9	–2
Долговые инструменты	187	65	237	325	32	60	126	–166	–173	–76	–40	–75
Итого	336	126	449	597	1271	645	345	140	–13	136	53	11
<i>Инвестиции из России</i>												
Уставный капитал	30	20	58	10	52	11	6	31	30	40	4	47
Реинвестирование доходов	0	0	0	0	0	0	–1	1	1	1	–3	0
Долговые инструменты	0	0	5	4	2	0	1	2	4	2	1	–1
Итого	30	20	63	14	54	11	6	34	35	43	2	46
Гонконг												
<i>Инвестиции в Россию</i>												
Уставный капитал	20	24	6	30	48	12	–5	145	33	2014	1809	7
Реинвестирование доходов	2	1	0	1	5	3	0	–1	–1	–1	0	1
Долговые инструменты	3	70	59	14	111	121	–25	430	103	674	489	841
Итого	25	95	65	45	164	136	–30	574	135	2687	2298	849
<i>Инвестиции из России</i>												
Уставный капитал	19	5	7	239	49	8	13	16	30	13	–5	5
Реинвестирование доходов	0	0	0	0	–1	0	–1	–4	0	1	–2	11
Долговые инструменты	66	21	2	5	1047	14	74	–984	–29	–17	146	180
Итого	85	26	9	244	1095	22	86	–972	1	–3	139	196

Примечание: приводятся значения сальдо операций по данным платежного баланса.

Источник: данные Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 19.01.2026).

инструменты в существующие объекты прямого инвестирования. Масштабного реинвестирования доходов от прямых инвестиций Китая в Россию не наблюдалось за исключением периода 2014–2015 гг., когда отмечались и максимальные по объему вложения в уставные капиталы организаций.

Представляет интерес проверка гипотезы о возможном использовании юрисдикции Гонконга в качестве альтернативного канала осуществления китайских инвестиций в Россию¹. Мы действительно наблюдаем увеличение прямых инвестиций в Россию из Гонконга через вложения в уставные капиталы организаций после 2016 г., особенно в 2019–2020 гг. При этом в 2021 г. приток прямых инвестиций из Гонконга продолжился, но через долговые инструменты. В отличие от непосредственно китайских, гонконгские инвестиции не сопровождались значимым реинвестированием доходов. Таким образом, действительно частично подтверждается гипотеза о замещении китайских прямых инвестиций в Россию гонконгскими в период, приходящийся на развитие процессов фрагментации в мировой

экономике, но предшествующий введению масштабных экономических санкций против России.

Однако необходимо учитывать, что китайская модель участия в международном движении капитала предполагает, как уже отмечалось выше, использование не только ПИИ, но и кредитования (главным образом через государственные банки), которое отражается по статье «прочие инвестиции». Согласно исследованию AidData, Россия является крупнейшим в мире «скрытым» заемщиком у Китая (Malik et al., 2021). Анализ финансовых потоков за 2000–2017 гг. показывает, что Россия получила около 125 млрд долл. в рамках так называемых «прочих официальных потоков» (OOF) — рыночных кредитов, в основном направленных в государственный нефтегазовый сектор (Malik et al., 2021)². Подобную модель Китай использу-

¹ При этом мы должны отдавать себе отчет, что через Гонконг могли осуществлять инвестиции и резиденты других юрисдикций.

² Вывод, сделанный на основе данных AidData, можно подтвердить и на основе базы данных The China's Overseas Development Finance (CODF), собранной The Boston University Global Development Policy (GDP) Center за период с 2008 по 2021 гг. на основе предоставляемых китайскими политическими банками кредитов на развитие и крупные инфраструктурные проекты. Согласно собранным данным, за указанный период российские компании привлекли кредиты от китайских политических банков на сумму 57 млрд долл.

ет в основном при взаимодействии со странами с формирующимися рынками, к числу которых относится и Россия. Она ориентирована прежде всего на кредитование сырьевых и инфраструктурных проектов, а не на приток прямых инвестиций в технологии и производство, что позволяет снижать риски для китайских инвесторов, одновременно сокращая преимущества для принимающей страны.

Количественные оценки инвестиционного взаимодействия России и Китая начиная с 2022 г. можно делать лишь на основе имеющихся фрагментарных данных. Так, согласно китайскому статистическому отчету Министерства коммерции КНР за 2022 г.¹, на конец 2022 г. общий объем накопленных иностранных инвестиций КНР в Россию составил 9,9 млрд долл., что составляло 0,3 % от общего объема исходящих ПИИ Китая с учетом инвестиций в Гонконг и Макао. Российские данные на близкую по времени дату (по итогам первого квартала 2023 г.) несколько отличаются: 3,8 млрд долл. накопленного чистого притока китайского капитала в Россию². Согласно основанным на данных Министерства коммерции КНР расчетам CEIC Data, объем притока ПИИ Китая в Россию составил в 2023 г. 628,8 млн долл., а в 2024 г. — 4,274 млрд долл. Таким образом, если исходить из этих данных, в 2024 г. был достигнут максимальный объем притока ПИИ из Китая в Россию за период с 2003 по 2024 гг.³ Однако обоснованность этих данных не в полной мере подтверждается другими источниками.

Если рассматривать отраслевую структуру китайских инвестиций в российскую экономику, то в исследовании В. И. Жирикова (Zhirikov, 2025) отмечаются значительные изменения для периода 2014–2024 гг. Они связаны с резким ростом доли добывающего сектора и агропромышленного комплекса при одновременном сокраще-

нии доли обрабатывающей промышленности с 30 % до 12,2 %. В результате, по его оценке, сформировалась трёхуровневая структура инвестиций с доминированием сырьевого сектора (более 40 %). Хотя объем инвестиций в высокотехнологичные отрасли вырос в 54 раза, их доля остаётся незначительной.

Подтверждением этого тезиса служит тот факт, что крупнейшими китайскими инвестиционными проектами в России являются участие CNPC (40 %) в проекте «Ямал СПГ» и Sinopec (20 %) в Амурском газохимическом комплексе⁴.

Авторы отмечают, что в условиях жёстких санкционных ограничений китайские компании занимают в России ниши ушедших европейских и японских игроков, однако без глубокой технологической интеграции (Вардомский, 2023; Волынский, Круглова, 2024).

Одновременно на евразийском пространстве усиливается конкуренция за привлечение китайских инвестиций между Россией и странами Центральной Азии. Согласно данным Евразийского банка развития (ЕАБР) на середину 2025 г., объем накопленных ПИИ Китая в евразийском регионе достиг 66,1 млрд долл., причём на долю России пришлось 17,4 млрд долл. (около 26,3 % китайских инвестиций в регион). При этом объем накопленных прямых инвестиций из Китая в Россию практически не менялся с 2022 г., тогда как в период с 2018 г. по 2022 г. он увеличился на 85,6 %. Вместе с тем, накопленные китайские прямые инвестиции в Казахстан выросли с 2022 г. по первую половину 2025 г. на 15 %, а в Узбекистан — в 6,7 раза (Винокуров и др., 2025б).

Серьёзным тормозом для развития взаимной торговли и одновременно возможностями для развития инвестиционного сотрудничества являются логистические барьеры и необходимость дорогостоящей перенастройки цепочек поставок в условиях фрагментированного рынка. Тем самым возникает потребность инвестирования в транспортную, складскую и финансовую инфраструктуру. И действительно, в настоящее время наблюдается реализация отдельных китайских инвестиционных проектов в России, связанных в первую очередь с преодолением транспортно-логистических ограничений.

В Подмосковье действует торгово-логистический центр «Белый Раст», созданный в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» в качестве совместного предприятия компаний «Порт Ляонин» и «РЖД» и начавший свою работу в 2021 г. Рост товарооборота двух стран с 2022 г. привел к увеличению грузопотока, проходяще-

Boston University Global Development Policy Center. (n. d.). The China's Overseas Development Finance (CODF) Database. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinas-overseas-development-finance/> (дата обращения: 13.01.2026).

¹ Ministry of Commerce, PRC. (2022). Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. URL: https://cif.mofcom.gov.cn/cif/html/upload/20231009140131502_2022_年度中国对外直接投资统计公报.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

² Министерство экономического развития Российской Федерации [Минэкономразвития России]. (2023, 27 декабря). Протокол 18-го заседания секретариатов межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. URL: https://economy.gov.ru/material/file/83cca0032f9a9fd3d85f3fee991049e6/Protokol_18-go.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

³ CEIC. (n. d.). China Outward Investment. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-by-country/outward-investment-russia#:~:text=China%20Outward%20Investment:%20Russia%20data,Outward%20Direct%20Investment:%20by%20Country> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Объемы инвестиций — 4,2 и 3,2 млрд долл. соответственно. См. (Винокуров и др., 2025б).

го через этот центр. Как следствие инвестиции компании в свое развитие с 2023 г. составили более 4 млрд р., в том числе в строительство новой контейнерной площадки и увеличение количества железнодорожных веток с 4 до 6¹.

В 2025 г. госкорпорация «Росатом»² и китайская компания New Shipping создали совместное предприятие в Китае, которое будет заниматься строительством контейнеровозов для перевозок по Северному морскому пути (СМП)³. В июле того же года стартовал новый этап реализации российско-китайского проекта контейнерной линии «Ледовый шелковый путь»⁴.

Россия также активно стремится привлечь китайские инвестиции в отрасли с высокой степенью добавленной стоимости, особенно в те, из которых ушли западные инвесторы, и в первую очередь — в автомобилестроение. Помимо решения задачи локализации производства китайских автомобилей на территории России, которая пока реализуется со значительными трудностями, была запущена российско-китайская инициатива по строительству электромобиля «Атом». В проекте «Атом» участвуют РФПИ, международная корпорация XY Group и АО «Кама». Была достигнута договоренность о привлечении китайского инвестора, и идет речь о возможной локализации производства в Китае. Однако пока возникают вопросы о перспективах спроса на данную модель даже на российском рынке⁵.

Сохраняют активность китайские компании, действующие в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. После 2022 г. были заявлены два инвестиционных проекта созданной в 2018 г. «Легендагро»⁶: строительство маслоэкстракционного завода по переработке рапса и создание производственно-логистического комплекса

(ПЛК) в бухте Суходол⁷. Строительство завода по переработке рапса в Красноярском крае было заявлено еще в конце 2023 г. с планируемыми инвестициями в 8,5 млрд р.⁸ Однако, судя по имеющимся источникам, строительство так и не началось, в том числе в связи с возникшими проблемами по выделению земельного участка под проект⁹. По строительству зернового порта в бухте Суходол Минвостокразвития рассчитывает в 2026 г. выйти на заключение соглашения о реализации первого модульного проекта международной территории опережающего развития (МТОР)¹⁰.

Перспективы дальнейшего развития инвестиционного сотрудничества двух стран видятся в диверсификации его направлений (инфраструктура, цифровые технологии, ВИЭ, космос) и совершенствовании институциональных условий для инвестиций. Одним из шагов в последнем направлении стало подписание в мае 2025 г. обновленного российско-китайского Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций (предыдущее было заключено в 2006 г.). В новом соглашении обеспечивается запрет дискриминации инвесторов, компенсация ущерба, причиненного вследствие экспроприации инвестиций, а также предусмотрены механизмы разрешения споров; оговорена возможность передачи спора между инвестором и государством, на территории которого осуществлены инвестиции, в международные арбитражи¹¹.

В итоге китайские инвестиции в России концентрируются преимущественно в стратегически важных для КНР отраслях (в той части, в какой их допускают российские власти): энергетике (нефть, газ, уголь), добыче и переработке стратегических полезных ископаемых

¹ CGTN. (2025, 9 мая). Логистический центр «Белый Раст» в Подмоскowie развивает китайско-российскую торговлю. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-09/1920693204351623169/index.html> (дата обращения: 23.12.2025).

² «Росатом» в 2018 г. был назначен единым инфраструктурным оператором Северного морского пути.

³ Интерфакс. (2025, 18 июня). «Росатом» и китайская New Shipping создали СП для строительства арктических контейнеровозов. URL: <https://www.interfax.ru/business/1031750> (дата обращения: 23.01.2026).

⁴ Росатом. (2025, август). СМП в фокусе интереса. URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2025/08/25/northern-sea-route-in-the-spotlight/?ysclid=mmgxsl2qlb81366405> (дата обращения: 23.01.2026).

⁵ ЭКСПЕРТ. (2025, 19 декабря). «Атом» зарядили деньгами. ВЭБ раскрыл стоимость создания отечественного электромобиля. URL: <https://expert.ru/avto/atom-zaryadili-dengami/?ysclid=mmgxprnmkx764105426> (дата обращения: 12.01.2026).

⁶ Российско-китайское СП, подконтрольное китайскому холдингу Joovio Beidahuang, которое развивает на Дальнем Востоке вертикально интегрированный агрохолдинг.

⁷ ГК Легендагро. (б.д.). Проект: Создание Производственно-логистического комплекса. URL: <https://legendagro.ru/projects/?ysclid=mmgv501yj11953935> (дата обращения: 12.01.2026).

⁸ Деловой квартал. (2023, 21 декабря). В Красноярском крае в 2026 построят завод по переработке рапса. URL: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237195765> (дата обращения: 12.01.2026).

⁹ ЗАПАД24. (2025, 22 июля). Мимо Назарово пролетели 6 млрд рублей инвестиции на строительство распиленного рапсового завода. URL: <https://zapad24.ru/news/nazarovo/114728-mimo-nazarovo-proleteli-6-milliardnye-investicii-na-stroitelstvo-raspiarennogo.html> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁰ KONKURENT.RU. (2026, 6 марта). Китайская компания поглотит бухту Суходол по зернышку. URL: <https://konkurent.ru/article/85186> (дата обращения: 07.03.2026).

¹¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. (2025, 8 мая). Россия и Китай подписали обновленное Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_podpisali_obnovlennoe_soglashenie_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_investiciy.html?ysclid=mmgw83wtw2310296214 (дата обращения: 12.01.2026).

(лес, редкоземельные металлы), а также в торговле и логистике. Это усиливает сложившуюся асимметричную модель сотрудничества: Россия укрепляет свою роль как надёжный поставщик сырья и рынок сбыта китайских товаров, в то время как приток инвестиций в несырьевой, высокотехнологичный сектор, способный диверсифицировать экономику, недостаточно развит.

Заключение

Инвестиционное взаимодействие России и Китая в современных условиях остается достаточно ограниченным. Если до 2014 г. и отчасти до 2022 г. это могло объясняться предпочтением, которое отдавалось в России привлечению западных инвестиций, прежде всего европейских, то после 2022 г. возможности для привлечения иностранных инвестиций, особенно из недружественных стран, резко сократились. Китай в свою очередь сталкивается с ограничениями для исходящих инвестиций, главным образом в развитых странах. Таким образом, распространение процессов фрагментации в мировой экономике, казалось бы, создает предпосылки для развития российско-китайского инвестиционного взаимодействия.

Анализ имеющихся статистических данных свидетельствует о том, что на первом этапе развития процесса фрагментации, по-видимому, действительно наблюдалось усиление инвестиционного взаимодействия двух стран, хотя оно носило скорее ограниченный и затухающий характер. После 2022 г. практически нет статистических подтверждений роста инвестиционного взаимодействия, хотя следует отметить, что оно не всегда может отражаться статистикой. Так, мы наблюдаем ослабление взаимодействия в области прямых инвестиций. Введенные в отношении России начиная с 2022 г. санкции практически перекрывают возможности взаимодействия в области портфельных инвестиций. Так, в августе 2025 г. активно обсуждались перспективы размещения некоторыми крупными российскими компаниями так называемых панда-облигаций¹ в Китае, которые в итоге не были реализованы². В качестве причины назывались опа-

сения относительно возможного отсутствия спроса со стороны китайских организаторов размещений и инвесторов в силу возможного применения санкций³. К сожалению, практически невозможно отследить динамику российско-китайского взаимодействия в области прочих инвестиций, которое, по ряду оценок, играет наиболее значимую роль.

Объективными ограничениями для взаимных инвестиций служат различия в структуре экономик России и Китая. Сектора, в которые заинтересован осуществлять вложения Китай (топливно-энергетический, сельское хозяйство), зачастую рассматриваются российской стороной как стратегически важные, что приводит к ограничению иностранных инвестиций в них. В секторе высоких технологий, в развитии которого заинтересованы обе страны, либо отсутствуют привлекательные для китайских инвесторов проекты в России, либо технологии носят закрытый характер, и, тем самым, инвестиции вновь ограничиваются из соображений безопасности. В тех секторах, где Россия заинтересована в привлечении китайских инвестиций (например, машиностроение), Китай стремится реализовывать экспортную, а не инвестиционную модель проникновения на российский рынок. Сквозь призму различий в интересах и определяемой ими политики регулирования иностранных инвестиций могут рассматриваться и отмечаемые инвесторами бюрократические барьеры.

Существующая на данный момент модель фрагментации, которая предполагает сохранение достаточно высокой степени открытости, в том числе финансовой, также ограничивает возможности инвестиционного взаимодействия в силу применения жестких санкций в отношении России и опасений китайской стороны попасть под вторичные санкции или иные ограничения.

Однако траектория процессов фрагментации в мировой экономике сейчас не предопределена. Существует несколько сценариев ее развития. В случае реализации сценария, связанного с жестким блоковым противостоянием, возведением новых барьеров и усилением ограничений для участников противоборствующих блоков, возможно движение в сторону формирования альтернативных моделей международных финансовых систем, включая финансовую инфраструктуру. В подобном сценарии снизится зависимость Китая от существующей финансо-

¹ Речь идет о номинированных в юанях облигациях, размещаемых на внутреннем китайском рынке.

² Единственным на настоящее время пример размещения панда-облигаций в Китае российской компанией — это размещение Русалом в 2017 г. на сумму 1,5 млрд юаней. См. Энергетика и промышленность России. (2025). Панда ждет энергетиков: Российским энергокомпаниям откроют китайский облигационный рынок. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/519/9904284.htm?ysclid=mmruyuk4g3350697202> (дата обращения: 04.01.2026).

³ LENTA.RU. (2025, 1 октября). Попытки российских компаний занять денег в Китае не привели к успеху. URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/01/slozhno/?ysclid=mmruvsvm4a907486732> (дата обращения: 04.01.2026).

вой инфраструктуры, контролируемой западными странами, а соответственно, уменьшаются и издержки вторичных санкций. При подобном сценарии возможно усиление инвестиционного взаимодействия России и Китая, в том числе в части построения альтернативных международных финансовых механизмов.

Таким образом, геоэкономическая фрагментация, с одной стороны, создаёт для России определённые преимущества в виде потенциального доступа к китайским инвестиционным

ресурсам, но, с другой стороны, сопровождается высокой степенью осторожности со стороны инвесторов, обусловленной глобальными рисками и внутренней трансформацией экономики Китая. Изменения в инвестиционном взаимодействии в динамике могут произойти в силу структурных изменений в экономиках двух стран (прежде всего, России), а также в силу изменений в сценарии фрагментации, реализующемся в настоящее время в мировой экономике.

Список источников

- Булатов, А. С., Галищева, Н. В., Кузнецов, А. В., Калашников, Д. Б., Перцева, С. Ю., Ребрей, С. М. (2024). *Россия в международном движении капитала в 2021 — начале 2023 года: Аналитический доклад* (А. С. Булатова, Ред.). Москва: Издательство «МГИМО-Университет», 124.
- Ван, Ц. (2022a). Инвестиционная деятельность китайских компаний в энергетическом секторе РФ: барьеры и перспективы. *Экономическая наука современной России*, (3(98)), 65–72. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-3\(98\)-65-72](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-3(98)-65-72)
- Ван, Ц. (2022b). Анализ текущего состояния и эффективности инвестиций китайских предприятий в энергетический сектор России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, (1), 133–155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_133_155
- Вардомский, Л. (2023). Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 58(1), 142–148. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_142
- Винокуров, Е. (Ред.), Малахов, А., Забоев, А., Омаров, А., Хайбрахманов, Т. (2025). *Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклады 25/1*. Алматы: Евразийский банк развития, 45.
- Винокуров, Е. (Ред.), Забоев, А., Кузнецов, А., Малахов, А., Омаров, А., Серик, Е. (2025). *Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 25/15*. Алматы: Евразийский банк развития, 46.
- Волынский, А., Круглова, М. (2024). Китайские инвестиции в России в контексте внешнеэкономической стратегии КНР. *Общество и экономика*, (9), 57–72. <https://doi.org/10.31857/S0207367624090042>
- Головнин, М. Ю. (Ред.), Николаев, И. А., Ахапкин, Н. Ю. (2025). *Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития (Научный доклад)*. Москва: ИЭ РАН, 120.
- Квашнина, И. А. (2024). Новые тенденции в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, (3), 61–75. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75
- Колодко, Г. В. (2009). *Мир в движении*. Москва: Магистр, 576.
- Моисеева, Д. Э., Кулинич, А. Д. (2024). Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(5), 80–99. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99>
- Хейфец, Б. А. (2024). *Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?* Москва: Институт экономики РАН, 110.
- Bacchetta, M., Beverelli, C., Cadot, O., Fugazza, M., Grether, J.-M., Helble, M., Nicita, A., & Piermartini, R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis*. Geneva: WTO, 232.
- Bolt, W., van den End, J. W., de Grip, J., Mavromatis, K., Verhoeks, R., & de Vette, N. (2023) *Geo-Economic Fragmentation: Economic and Financial Stability Implications*. Netherlands: De Nederlandsche Bank, 22.
- Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A New Cold War? *Journal of International Economics*, 153, 103986. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042>
- Horn, S., Reinhart, C. M., & Trebesch, C. (2019). China's overseas lending. *Journal of International Economics*, 133, 103539. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2021.103539>
- International Monetary Fund. (2023). Geoeconomic fragmentation and foreign direct investment. In *World Economic Outlook, April 2023: A Rocky Recovery* (Chapter 4, pp. 91–114).
- Malik, A., Parks, B., Russell, B., Lin, J., Walsh, K., Solomon, K., Zhang, S., Elston, T., & Goodman, S. (2021). *Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects*. Williamsburg: William & Mary, 166.
- Norring A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism*. Finland: Bank of Finland, 38.
- United Nations. (2025). *World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy*. Geneva: United Nations, 278.
- Zhirikov, V. (2025). Analysis of the Sectoral Structure of Foreign Direct Investment Between the Russian Federation and the People's Republic of China. *BRICS Journal of Economics*, 6(3), 31–45. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598>

References

- Bacchetta, M., Beverelli, C., Cadot, O., Fugazza, M., Grether, J.-M., Helble, M., Nicita, A., & Piermartini, R. (2012). *A Practical Guide to Trade Policy Analysis*. Geneva: WTO, 232.
- Bolt, W., van den End, J. W., de Grip, J., Mavromatis, K., Verhoeks, R., & de Vette, N. (2023). *Geo-Economic Fragmentation: Economic and Financial Stability Implications*. Netherlands: De Nederlandsche Bank, 22.
- Bulatov, A. S., Galishcheva, N. V., Kuznetsov, A. V., Kalashnikov, D. B., Pertseva, S. Yu., & Rebrey, S. M. (2024). *Rossiia v Mezhdunarodnom Dvizhenii Kapitala v 2021 — Nachale 2023 Goda: Analiticheskii Doklad [Russia in the International Capital Movement in 2021 — Early 2023: Analytical Report]* (A. S. Bulatov, Ed.). Moscow: MGIMO University Press, 124. (In Russ.)
- Golovnin, M. Yu. (Ed.), Nikolaev, I. A., & Akhapiin, N. Yu. (2025). *Rossiyskaya Ekonomika pod Sanktsionnym Davleniem: Promezhutochnye Itogi (2022–2025 gg.) i Perspektivy Razvitiya [Russian Economy Under Sanction Pressure: Intermediate Results (2022–2025) and Development Prospects]* (Scientific report). Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 120. (In Russ.)
- Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A New Cold War? *Journal of International Economics*, 153, 103986. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042>
- Horn, S., Reinhart, C. M., & Trebesch, C. (2019). China's Overseas Lending. *Journal of International Economics*, 133, 103539. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2021.103539>
- International Monetary Fund. (2023). *Goeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment*. In *World Economic Outlook, April 2023: A Rocky Recovery* (Chapter 4, pp. 91–114).
- Kheyfets, B. A. (2024). *Stanet li Sovremennaya Geopoliticheskaya Fragmentatsiya Dolgovremennoy Tendentsiei Novoy Regionalizatsii Globalnogo Ekonomicheskogo Prostranstva? [Will Modern Geopolitical Fragmentation Become a Long-Term Trend of the New Regionalization of the Global Economic Space?]*. Moscow: Institute of Economics RAS, 110. (In Russ.)
- Kolodko, G. W. (2009). *Mir v Dvizhenii [World in Motion]*. Moscow: Magistr, 576. (In Russ.)
- Kvashnina, I. A. (2024). New Tendencies in Global FDI Flows. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, (3), 61–75. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75
- Malik, A., Parks, B., Russell, B., Lin, J., Walsh, K., Solomon, K., Zhang, S., Elston, T., & Goodman, S. (2021). *Banking on the Belt and Road: Insights from a New Global Dataset of 13,427 Chinese Development Projects*. Williamsburg: William & Mary, 166.
- Moiseeva, D. E., & Kulinich, A. D. (2024). New Architecture of Foreign Direct Investment Regulation in the European Union. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*, 17 (5), 80–99. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99> (In Russ.)
- Norring A. (2024) *Goeconomic Fragmentation, Globalization, and Multilateralism*. Finland: Bank of Finland, 38.
- United Nations. (2025). *World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy*. Geneva: United Nations, 278.
- Van, J. (2022a). Investment Activity of Chinese Companies in the Energy Sector of the Russian Federation: Barriers and Further Prospects. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, (3(98)), 65–72. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-3\(98\)-65-72](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-3(98)-65-72) (In Russ.)
- Van, J. (2022b). Analysis of the Current State and Efficiency of Investments by Chinese Enterprises in the Russian Energy Sector. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, (1), 133–155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_133_155 (In Russ.)
- Vardomsky, L. (2023). Russian-Chinese Economic Ties amid Growing International Tensions. *Journal of the New Economic Association*, 58 (1), 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142
- Vinokurov, E. (Ed.), Malakhov, A., Zaboiev, A., Omarov, A., & Khaybrakhmanov, T. (2025). *Vzaimnye Investitsii na Evraziyskom Kontinente: Novye i Starye Partnery [Mutual Investments on the Eurasian Continent: New and Old Partners]* (Report No. 25/1). Almaty: Eurasian Development Bank, 45. (In Russ.)
- Vinokurov, E. (Ed.), Zaboiev, A., Kuznetsov, A., Malakhov, A., Omarov, A., & Serik, E. (2025). *Kitay i Evraziyskiy Region: Analiz Investitsionnykh Potokov na Osnove Monitoringa Vzaimnykh Investitsiy EABR [China and the Eurasian Region: Analysis of Investment Flows Based on the EDB Mutual Investment Monitoring]* (Report No. 25/15). Almaty: Eurasian Development Bank, 46. (In Russ.)
- Volinsky, A., & Kруглова, М. (2024). Chinese Investments in Russia in the Context of China's Foreign Economic Strategy. *Obshchestvo i Ekonomika [Society and Economy]*, (9), 57–72. <https://10.31857/S0207367624090042>
- Zhirikov, V. (2025). Analysis of the Sectoral Structure of Foreign Direct Investment Between the Russian Federation and the People's Republic of China. *BRICS Journal of Economics*, 6 (3), 31–45. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598>

Информация об авторах

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57196033994; <https://orcid.org/0000-0001-6687-0744> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; mgecon@inecon.ru).

Волынский Андрей Игоревич — научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57207202443; <https://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; volinskii_ai@inecon.ru).

Круглова Мария Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57207204902; <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; mashakruglova999@gmail.com).

About the authors

Mikhail Yu. Golovnin — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Director, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57196033994; <https://orcid.org/0000-0001-6687-0744> (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; mgecon@inecon.ru).

Andrey I. Volynskiy — Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57207202443; <https://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; volinskii_ai@inecon.ru).

Maria S. Kruglova — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57207204902; <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702> (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; mashakruglova999@gmail.com).

Использование средств ИИ

Функционал модели DeepSeek был задействован в целях приведения списка литературы к единому стандарту оформления, а также для осуществления сверки цитирований в основном тексте с выходными данными источников в библиографическом перечне.

Use of AI tools declaration

The DeepSeek model was used to standardize the formatting of the reference list and to verify that the citations in the main text correspond accurately to the bibliographic information provided in the reference list.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026.

Прошла рецензирование: 08.05.2026.

Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 15 Feb 2026.

Reviewed: 08 May 2026.

Accepted: 03 Jul 2026.